

ВЛИЯНИЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО НА ОФОРМЛЕНИЕ ПИСЬМЕННОГО ДИСКУРСА НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА*

Аннотация. На материале французский и русской деловой переписки в статье изучаются некоторые переводческие преобразования лексико-синтаксической структуры предложения, связанные с изменением точки зрения говорящего на описываемую ситуацию. Подобные преобразования диктуются узусом и связаны с прагматическими параметрами дискурса «официально-деловая переписка». В этом случае именно дискурсивный анализ обладает объяснительной силой.

Ключевые слова: дискурс, прагматика, узус, перевод, лексико-синтаксическая трансформация, эмпатия говорящего.

Задачей переводчика является, как известно, достижение эквивалентности перевода оригиналу, а поэтому именно в теории перевода активно дебатруется термин «эквивалентность», предложенный Ю. Найда [E. Nida 1964].

По мнению Ю. Найда, необходимо различать эквивалентность формальную, обеспечивающую перевод типа глоссы, и эквивалентность динамическую, передающую, например, эстетическую информацию в художественном тексте. Развивая данное положение, видные европейские исследователи перевода К. Райс, О. Каде, М.А.К. Хэллидей [Вопросы перевода..., 1978] подчеркивали, в частности, необходимость различного подхода к определению эквивалентности текстов разных жанров и типов, ориентированных, например, на содержание (научных), на форму (поэтических) или текстов аудио-медиа (пьесы). Эквивалентность (инвариантность) переводных текстов обеспечивается, таким образом, эквивалентностью их коммуникативной значимости, причем при снижении ранга сопоставляемых единиц (слово – предложение – текст), снижается и возможность найти однозначное соответствие при переводе, однако значимой является именно функциональное соответствие целого текста оригиналу. Положение о функциональной эквивалентности основано, таким образом, на представлении о целостности перевода как специфической деятельности. Примат эквивалентности текста над эквивалентностью его сегментов подчеркивает, в частнос-

ти известный отечественный теоретик перевода А.Д. Швейцер [А. Д. Швейцер, 1988]. Развивая положения А.Д. Швейцера, интересный подход к анализу переводческой деятельности предлагает Н.К. Гарбовский [Н. К. Гарбовский, 2001; 2004], разграничивая эквивалентность на уровне значения отдельного предложения и прагматическую адекватность, которая, по мнению исследователя, обеспечивается практически любым корректным переводом, то есть прагматический уровень является пределом допустимых переводческих преобразований. На каждом последующем уровне оформления перевода – семантическом (денотативном или сигнификативном), синтаксическом – преобразования (нарушение «частной» эквивалентности) неизбежны. В денотативном плане они связаны с культурно-когнитивными различиями между языками, в сигнификативном – с различным объемом и содержанием понятий, стоящих за словом, в синтаксическом – с различием соответствующих языковых систем.

Краткий экскурс в историю определения фундаментального термина «эквивалентный перевод, или эквивалентность перевода» позволяет нам подчеркнуть следующие положения:

1. Перевод как целостное произведение может и должен быть эквивалентен оригиналу как целостному произведению в функциональном аспекте, то есть в определенной коммуникативной ситуации выполнять ту же функцию, связанную с передачей информации и воздействием на адресата.

2. Такое понимание заставляет исследователя встать на позиции дискурсивного анализа переводческой деятельности, то есть рассматривать оригинал и его перевод не просто как завершенные и структурированные речевые произведения – тексты, но и анализировать их в прагматическом контексте, включающем ситуацию порождения (соотношение автор дискурса – переводчик – адресат – описываемая ситуация).

Разумеется, многие преобразования на лексико-синтаксическом уровне, осуществляемые переводчиком, связаны непосредственно с типологическими особенностями двух языковых систем, причем именно они в наибольшей степени изучены, в том числе и для «тандема» французский язык – русский язык. Подчеркнем, что языко-

* © Туницкая Е.Л.

вая система действует по принципу «разрешения или запрета» на ту или иную конструкцию: «Ваш товар мы вчера получили» - правильно, но «*Votre marchandise nous avons reçu*» - неправильно, так как блокируется такой типологической характеристикой французского языка, как проспективный порядок следования членов предложения. Лексическая система также может накладывать определенные конструкционные ограничения, что иллюстрируется следующим примером: «послать сообщение о готовности товара к отгрузке → *faire parvenir le message informant que la marchandise est prête à être expédiée*», где изменение конструкции при переводе неизбежно в связи с отсутствием во французском языке лексического эквивалента слову «готовность».

Тем не менее, практика показывает, что во многих случаях перевод с сохранением синтаксической конструкции не блокируется полностью языковой системой, поскольку адресат может такой перевод адекватно понять, но при этом воспринимает его как «не совсем корректный», неупотребительный. Такой перевод не рекомендуется, как нарушающий узус. Например, предложение «Мы направляем (посылаем) Вам в приложении к письму наши каталоги» не следует переводить как «*Nous Vous envoyons ci-joint nos catalogues*», но как «*Veillez trouver ci-joint nos catalogues*» или «*Vous trouverez ci-joint nos catalogues*». (Не стоит, на наш взгляд, говорить для данного случая о стилистических нарушениях, поскольку все рассматриваемые конструкции либо стилистически нейтральны, либо маркированы принадлежностью именно к функциональному официально-деловому стилю.) В подобных случаях ссылки на языковую лексико-грамматическую систему как таковую не имеют достаточной объяснительной силы без учета таких прагматических параметров, как автор сообщения, его получатель и описываемая ситуация.

Проиллюстрируем более подробно данное положение на примере дискурсивного жанра деловой переписки, существующего, разумеется, как во французском, так и в русском языке. (Дискурс может обладать и окказиональными особенностями, связанными с конкретной ситуацией его порождения, включая личность говорящего и адресата, но нас будут интересовать его типологические, жанровые особенности, в которых реализуются, очевидно, некоторые коллективные культурно-когнитивные характеристики говорящих на французском и русском языках.)

1. Приведенная выше трансформация «*Vous trouverez ci-joint un catalogue* → Посылаем Вам в приложении каталог», меняет не только

синтаксическую структуру предложения, но и семантическую структуру (пропозицию), то есть иначе описывающая ситуацию, а именно с позиции адресата, но не автора сообщения. При этом очевидно меняется так называемая эмпатия говорящего. Под эмпатией высказывания, или эмпатией говорящего понимается его идентификация, варьирующая по степени, с лицом или предметом, участвующим в событии – состоянии, которое говорящий описывает в предложении [S. Kuno 1976]. Выбор говорящим той или иной пропозиции или способа отражения ситуации не зависит полностью от языковой системы, но осуществляется более произвольно, то есть, по мнению Е.С. Кубряковой [Е.С. Кубрякова 2004], составляет мировоззренческий аспект речи.

2. В качестве перевода для «Просим Вас как можно скорее переслать нам всю документацию» в сборниках образцов деловой переписки рекомендуется использовать конструкцию «*Vous êtes prié(s) de nous faire parvenir toute la documentation*», хотя перевод «*Nous Vous prions de nous faire parvenir toute la documentation*» понятен адресату сообщения и грамматически вполне возможен. Разумеется, в этом случае можно говорить и о языковом ограничении, так как в русском языке не используется страдательное причастие от глагола «просить». Однако в целом лингвистами неоднократно отмечалась относительно большая частотность употребления пассивной конструкции во французском языке по сравнению с ее русским аналогом, даже если соответствующее страдательное причастие в русском языке существует [M. Gawelko 1999]. Автор французского делового письма и в этом случае стремится вытеснить в периферийную синтаксическую позицию, а чаще полностью имплицировать имя субъекта действия. Причем для официально-деловой переписки, которая ведется от первого лица, речь идет, в таком случае, о «нежелании» автора письма именовать самого себя, особенно в функции субъекта действия или состояния.

3. Многие исследователи отмечают, в свою очередь, предпочтение русского языка к безличным конструкциям, на основе категории состояния или возвратного глагола (было бы желательно, нам бы хотелось и т.п.), подчас усматривая в этом также определенный мировоззренческий подтекст [А. Вежбицкая 1996]. Однако с этой точки зрения французское официально-деловое письмо (в отличие от английского дискурса, с которым проводит сравнение А. Вежбицкая), скорее сходно с русским: в нем также часто встречаются безличные конструкции: *il serait désirable*, *il est à noter* и т.п. (Количественные подсчеты нами

не осуществлялись). Разумеется, французская языковая система диктует, в этом случае, появление формального подлежащего, который иногда называют ложным актантом, поскольку на уровне пропозиции за этим членом предложения не стоит никакого элемента ситуации. Для нас важнее отметить, что русская конструкция с возвратным глаголом называет носителя данного состояния – субъекта волеизъявления, хотя и в синтаксической функции дополнения (нам бы хотелось, нам требуется), тогда как во французском дискурсе, по мнению составителей пособий по деловой переписке и по нашим собственным наблюдениям, субъект волеизъявления чаще имплицитен: «(?) Il nous serait désirable» менее употребительно, чем «Il serait désirable».

4. Аналогичную тенденцию частичной импликации имени субъекта – автора сообщения наблюдаем в следующем случае: если для русского дискурса в равной степени характерны две конструкции: «Мы сожалеем, что в фактуре обнаружена ошибка» и «К сожалению, в фактуре обнаружена ошибка», то французский отдает явное предпочтение структурному аналогу второй конструкции – *A notre vif regret, la facture comporte une erreur*. То есть, имя субъекта – автора сообщения исчезает, сохраняясь лишь в форме референциальной отсылки «notre».

В ряде работ содержится наблюдение о том, что для французского языка в целом характерна субъективация, или персонализация высказывания, то есть включение формального указателя на действующее, говорящее или воспринимающее лицо: «Это слово произносится иначе → *On prononce ce mot différemment*» [В.Г. Гак, 2002]. Не оспаривая высказанной точки зрения в общем, отметим, что она вызывает сомнения относительно деловой переписки. Стремление избежать именованного субъекта действия или состояния, особенно в синтаксической функции подлежащего, вероятно, связано с другой специфической прагматической характеристикой этого дискурсивного жанра – повествованием от первого лица.

5. Вторая известная тенденция французского дискурса – так называемый синтаксический анимизм [J-P. Vinay, J. Darbelnet 1958], то есть вынесение в функцию подлежащего неодушевленного, в том числе, абстрактного имени – в полной мере характерна для деловой переписки: «*le contrat stipule que...* (в контракте оговорено, что...)»; «*la responsabilité vous incombe* (ответственность мы возлагаем на вас)». Данное явление, часто определяемое как грамматическая метафора, отчасти может быть объяснено,

исходя из языковой системы французского языка. Действительно, использование конструкции с неодушевленным подлежащим компенсирует жесткое структурное ограничение, связанное с проспективным порядком следования членов предложения. Тем не менее, конструкция «*Dans le contrat il est stipulé que...*» вполне допустима с грамматической точки зрения и сохраняет те же необходимые параметры актуального членения высказывания, хотя является нетипичной, а поэтому узуально нежелательной для переводчика. Иными словами, предпочтение французского дискурса к конструкциям с синтаксическим анимизмом также требует дополнительных объяснений, связанных с восприятием говорящим описываемой ситуации.

6. Такой модификатор не только поверхностно-синтаксической но и пропозитивной (актантной) структуры высказывания, как каузативная конструкция «*faire + infinitif*» также типичен для французской деловой переписки. Сравним: *Nous Vous faisons remarquer que ...* → Хотим вам заметить, что...; *Nous Vous faisons savoir que...* → Сообщаем Вам, что...

В том же ракурсе можно рассматривать конструкции «*Nous Vous honorons de l'ordre; nous Vous favorisons de cette commande* → Мы направляем (передаем) Вам этот заказ». В обеих группах французских примеров фактический бенефициар действия приобретает одновременно (синкретично) объектную семантику, и речь идет также об определенном способе видения и описания ситуации на уровне ее элементов – актантов.

Таким образом, для лучшего понимания природы лексико-синтаксических трансформаций при переводе необходимо различать три уровня анализа переводимого сообщения в целом и, соответственно, его элементов: 1) функциональный, связанный с передачей информации и воздействием сообщения на адресата; 2) семантический, или пропозитивный (связанный со способом описания ситуации, то есть точкой зрения говорящего) и 3) собственно языковой, связанный с использованием при переводе определенной лексики и грамматических конструкций.

Если осуществляемые при переводе преобразования уровня 3 обязательны и определяют типологическими различиями двух языковых систем, то преобразования уровня 2 узуальны, так как альтернативный вариант перевода, копирующий оригинал или более близкий к нему, не воспринимается как грамматически неправильный и может быть адекватно понят адресатом речи, но осознается, тем не менее, как неупотребительный, а поэтому нежелательный. Таким

образом, наиболее частотной в одном языке оказывается конструкция, периферийная в другом, а узус можно рассматривать как механизм перераспределения конструкций в рамках одного функционально-семантического поля. Полное соответствие перевода оригиналу на семантическом уровне описания ситуации так же недостижимо, как и на лексико-синтаксическом, что не определяет, однако, качества перевода в целом, ибо его эквивалентность как целого функциональна.

Анализ лишь нескольких примеров показывает, с практической точки зрения, важность учета узуальных семантических преобразований при переводе делового письма. С теоретической же точки зрения важным является следующий вывод: данные преобразования определяются на уровне прагматики, через типичную позицию говорящего относительно описываемой ситуации, или его эмпатию. Последняя, вероятно, характеризует тип, или жанр дискурса. Так, для французского делового письма характерно либо полное, либо частичное удаление из пропозиции субъекта первого лица – автора сообщения (*moi, vous*) тогда как актантом наиболее высокого ранга – субъектом действия или восприятия может стать адресат сообщения (*Vous*). В иных примерах (безличные конструкции) эмпатия говорящего к какому-либо субъекту полностью отсутствует. Возможны и некоторые другие варианты специфического перераспределения семантических актантных ролей (бенефициар – объект действия).

Вот почему дискурсивный прагматический анализ имеет для теории и практики перевода несомненное значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.
2. Гак В.Г. Типология преобразований в актантной структуре при переводе // Вопросы филологии. – 2002, № 1. – С. 42–47.
3. Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Наука, 1978.

4. Гарбовский Н.К. О теоретических взглядах на категорию переводческой эквивалентности // Язык, культура и межъязыковая коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 26–43.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во МГУ, 2004.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: КД Либроком, 2009.
8. Gawelko M. L'étude sur l'ordre des mots dans les langues romanes. Passivisation. - Lublin: T-two nauk. Katolickiego uniw. Lubelskiego, 1999.
9. Kuno S. Subject, Theme and the Speaker's Empathy. // Subject and Topic - New-York: Academic Press, 1976. – P. 417 – 444.
10. Nida E.A. Towards a science of translating. – Leiden: E.J.Brill, 1964.
11. Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. - P., 1958. - P.205 – 207.
12. Деловая переписка с иностранными фирмами. Практическое пособие. - М.: Имидж, 1991.
13. Французский язык. Учебник по коммерческой корреспонденции. – М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2008.
14. Le français de la communication professionnelle. – P.: Clé international, 1993.
15. Le parfait secrétariat. – P.: Larousse, 1996.

E. Tunitskaya

IMPACT OF SPEAKER'S POINT OF VIEW ON THE FORM OF A WRITTEN DISCOURSE ON A MATERIAL OF BUSINESS LETTERS

Abstract. On a material of French and Russian business correspondence the article studies translational transformations of a syntactic sentence structure connected with modifications of the speaker's point of view on the described situation. Such transformations are dictated by usage and connected with pragmatic parameters of the discourse «officially-business letter». In this case discourse analysis possesses explanatory force.

Key words: discourse, pragmatics, usage, translation, lexical and syntactic transformations, speaker's empathy.